

Мирас ИДЕЛЬБАЕВ

АВТОРСКАЯ ИЗУСТНАЯ ПОЭЗИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТЮРКСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ И ХАБРАУ-ЙЫРАУ

Мақалада ортағасырдағы түркі халықтары (түрік, азербайжан, түркмен, қырғыз, қазақ, башқұрт) ауыз әдебиетінің өкілдері туралы айта келіп, соның ішінде башқұрт ауыз әдебиетінің өкілі Хабрау-Йырау туралы деректерге ғылыми сараптама жасалады.

Bu makalede, orta asır Türk halkları edebiyatının temsilcilerinden bahsedilerek, Başkurt edebiyatından Habırau-Yırau hakkındaki kaynaklar incelenmiştir.

Изустная литература как словесное искусство индивидуального характера сочинялась и распространялась изустным путем и выражала личное мировоззрение конкретного автора, его этическую оценку действительности. Изустность приближает ее к фольклору, а индивидуальность – к письменной литературе. Но «это уже не фольклор, но еще не «письменная» литература со всеми вытекающими отсюда особенностями. Это первая историческая форма художественной литературы, которую найдем у всех народов» [1, 34-35]. Продолжительность бытования изустной литературы, ее удельный вес в словесном искусстве того или иного народа зависит от ряда факторов, в первую очередь – от социально-исторических условий, общественно-политического положения, географических особенностей, наличия своей аудитории и ее требований. В большинстве тюркоязычных литератур имелись благоприятные условия для ее многовекового расцвета. Знаменательные исторические события XI – XVI вв., начиная с образования тюркского каганата до распада Золотой Орды, в той или иной мере способствовали развитию и расцвету как письменного, так изустного вида словесного искусства в тюркской среде. А далее, на их традициях изустная поэзия долго и устойчиво функционировала в большинстве литератур тюркских народов. На наш взгляд, причины ее особой живучести в тюркском мире необходимо искать в следующих обстоятельствах. 1) Словесное искусство, как известно, может служить мощным идеологическим оружием правящих классов. В зависимости от изменения соотношений социальных сил в обществе меняются и формы бытования словесности как средства идеологии. Процесс классовой дифференциации у тюрков, в силу ряда объективных исторических обстоятельств, протекал медленно и затянулся на несколько столетий. 2) Основным способом производства служило у них скотоводство, которое, по замечанию Л.Н.Гумилева [2, 4], «является наиболее устойчивой формой хозяйства, почти не поддающейся усовершенствованию». Оно также по своему повлияло на замедленный ход социальной дифференциации, на более мирное взаимоотношение между различными социальными силами; во всяком случае не допускало рабовладельчества и крепостничества среди

соплеменников. 3) Скотоводство само по себе создавало благоприятные условия для процветания изустного поэтического слова, рождения его новых жанров. Достаточно вспомнить появление античных буколики, идиллии, эклоги, средневековую французскую пастораль и др., появление которых было связано с природой. 4) Как ни парадоксально, сама письменная литература у тюрков, в отличие от другой аналогичной среды, содействовала параллельному устойчивому бытованию изустной. Дело в том, что письменные художественные памятники на тюрки обычно создавались на недоступном даже для более или менее грамотного слоя населения языке, с обильно заимствованными арабизмами и фарсизмами. Такая литература удовлетворяла потребности лишь высокообразованной части общества. А остальное большинство выдвигало из своих рядов мастеров изустного слова, которые творили на живом разговорном языке. Они зачастую и книжные сюжеты письменников переложили на народный язык. Перечисленные обстоятельства были характерны для большинства тюркоязычных народов, и функционирование изустной литературы исчисляется у них несколькими столетиями.

Наиболее значительными представителями изустной поэзии ряда тюркских народов, возникшими на традициях общетюркской эпохи словесности, были: у турков – Юнус Амре (XIII–XIV вв.), Пир Султан Абдаль (XVI в.) и современные апыкы; у азербайджанцев – Гурбани, Ашуг-Аббас, Сары-Ашуг, Ашуг-Валех (XV–XVI вв.) и плеяда прославленных ашугов XIX – XX вв.; у туркмен – шаиры Байрам-хан, Караджа-оглан, Бархудар Туркмен, бахшы Андалиб, Шабенде, Шайдан, Гурбанлы, Магрупи (XVI–XVIII вв.); у киргиз – знаменитые манассы Сагинбай Оразбеков и Саякбай Каралаев и их ученики (XIX–XX вв.); у казахов – когорта йырау XIV–XVI вв. Хабрау, Казтуган, Асан Кайгы, Шалгииз и самобытные акыны Досмамбет, Бухар, Умбетай, Тати-Каре, Шал, Кутуш, Коблан, Жанкиси, Махамбет (XVII–XIX вв.); у башкир – сэсэнны Кубагуш, Акмурза, Еренсе, Карас, Байык, Махмут, Буранбай, Ишмухамет, Габит и др. (XVI–XIX вв.). Общими, объединяющими началами в их импровизациях выступают созвучность идейно-тематических направлений, сходство жанров и жанровых форм, единство формообразующих показателей. И еще – сочинения изустных авторов принципиально отличаются от фольклорных памятников, которыми был неизмеримо богат каждый из упомянутых регионов. Между мастерами изустного слова разных поколений – наставниками и их учениками – установились многовековые традиции взаимоотношений. Профессиональные творцы новых поколений относились к импровизациям своих старших коллег как к некоему святому, ни в коем случае не осмеливались вносить в них существенные изменения. «Их «вмешательство» в текст своих предшественников, – как отмечает Х.Г.Кероглю [3, 480], – было не более чем «вмешательство» переписчиков рукописей поэтов-классиков».

Наиболее ярким представителем изустной поэзии средневековой Евразии был Хабрау-йырау (в Казахстане и Средней Азии его называют по-разному: Сышыра, Сышра, Сашыра, Сабра, Супра и др.). Слово «йырау» в значении индивидуального изустного поэтического творца упоминается еще в древних тюркских письменных источниках. В частности, в памятнике «Диван лугат-ит тюрк» М.Кашгари (1073–1074 гг.) оно истолковано как «игрок на музыкальном инструменте», «певец» [4, 36]. То же самое толкование находим в «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлова [5]: «певец» (der Singer, Troadour). Это значит, слово «йырау» свое основное значение сохранило в течение тысячелетия, а творчество основных представителей йырау проходится к XIV–XVI вв. и характеризуется тем, что оно было общим достоянием казахов, башкир, каракалшаков и ногайцев, населявших тогда обширную территорию центральной Евразии. Хабрау йырау, судя по фольклорным источникам, он прожил более 100 лет (XIV – первая половина XV вв.). Во всех тюркских народах, где имело распространение его творчество, он ставится на первый ряд среди всех йырау эпохи. «Сургантай-улы Сышыра жырау считается отцом всех ногайско-казахских акынов и жырау», – пишет А. Дербисалин [6, 3]. Н.Давкараев [7, 25] и И.Сагитов [8, 50] отмечают наличие двух школ в каракалшакской изустной поэзии – Жиен Тагая и Сышыра йырау. Его образ вошел в общетюркское эпическое повествование «Идукай и Мурадым» («Едеге», «Идегей») в казахскую версию эпоса «Таргын и Кужак». По утверждению казахских, каракалшакских ученых, автором первого из них является Хабрау. У башкир в научном обороте известны два текста кубаиров: «Обращение Хабрау к Уралу» и «Обращение Хабрау к мужчинам-джигитам». Оба они имеются в упомянутом эпосе. Между тем, в репертуаре башкирского фольклора самостоятельно бытуют и другие кубаиры с признаками индивидуальности, которые в «Идукай и Мурадым» являются монологами Хабрау, «лирическими отступлениями», непосредственно не связанными с эпическим содержанием произведения [9, 50–54; 57–61; 73–77; 121–123; 193–194]. Те же самостоятельные тексты у казахов и каракалшаков давно считаются авторскими, то есть изучаются как сочинения Хабрау. Они не только созвучны с названными башкирскими «фольклорными», но и представляют собой, по словам Г.Б. Хусайнова [10, 157], «национальные версии» его толгау и кубаиров. Таких кубаиров в эпосе «Идукай и Мурадым» – пять. Их смело можно ввести в научный оборот как импровизации Хабрау. Все они по содержанию независимы от сюжета эпоса и могут функционировать как самостоятельные произведения, но если рассмотреть в его контексте, то становятся гораздо содержательными и более понятными, что лишний раз подтверждает причастность Хабрау к «Идукай и Мурадым». Первая речь произносится в самом начале эпоса, еще до начала основных событий. Золотоордынский хан Туктамыш, не сумев покорить уральских джигитов, приказывает башкирам делегировать к нему своих несколько

батыров, охотников и самого именитого певца. Речь Хабрау была произнесена, когда обессиленный от непрекращающихся войн народ в замешательстве обсуждал это повеление. В тексте ни словом не упоминается приказ хана, а подробно описывается природа Урала и воспевается его красота. В башкирском фольклорном репертуаре этот текст воспринимается как самостоятельная импровизация о родной земле, а в контексте сюжета эпоса те же слова йырау звучат по-иному: да, Урал – райский уголок; но если хану подашь руку, он уже не будет твоим! Услышав слова знаменитого йырау, народ принимает верное решение – Идукай, «батыр среди батыров», остается на Урале с целью защитить его от врагов. Вторая речь (нумерация – по порядку расположения в эпосе) возникла в аналогичных условиях: когда страну будоражил другой указ хана о сборе ясака, молодой Идукай приходит к Хабрау за советом. Йырау, желая проверить сообразительность батыра, задает ему стихотворные загадки. Древнее качество батыров одновременно быть и мастером слова, сохранилось и в натуре Идукай. Его диалог с Хабрау можно назвать айтышем. В нем дается характеристика людям разных профессий той эпохи (ремесленникам, металлистам, кушам, путешественникам, охотникам и др.) и их человеческому достоинству. Идукай верно угадывает главную мысль мудреца – в то смутное время самой главной была профессия воина, а от его личностных качеств зависела судьба страны. Третья речь может послужить эпиграфом или предисловием для всех остальных. Здесь автор подчеркивает свой почтенный возраст, житейский опыт и право говорить от имени народа. Йырау гордится, что за свою жизнь видел много знатных людей, что однажды его речь слушали одновременно одиннадцать правителей. «Он пир патша алдында, кобыз алып сөз сөйләп, толгау айткан бабаңмың» («Я дед твой, который с кобызом сказал толгау перед одиннадцатью падишахами») [11, 117]. Этим он как бы намекает, что люди остальных рангов тем более должны его слушать. В четвертой и пятой речах (в тех, которые опубликованы в башкирской среде) Хабрау снова возвращается к воспеванию Урала. Их можно назвать тревожным гимном Уралу. Здесь есть и обращение, и философские размышления, и исторический экскурс, и дидактика. Эти два текста в эпосе находятся в разных местах – в середине и во второй половине, разделены между собой эпическими событиями; тем не менее, идейно дополняя друг друга, составляют как бы две части одного целого. Природа Урала описывается здесь новыми, еще более яркими красками; его прошлое сравнивается с настоящим. Автор беспокоится, что теперь поредели ряды батыров, которые раньше были надежным оплотом Урала, обращается к образам Урала и Хаубана из башкирских эпосов «Урал батыр» и «Акбузат», призывает джигитов быть верными заветам предков. В связи с этим затрагивается проблема взаимоотношения между поколениями батыров – отцов и сыновей. Непослушание сыном отцовских слов может повлиять на положение страны:

«Батырзан батыр тыуганда, батыр юлынан сапқанда, атаға һазак кайраһа, илдең йөзө тарлана» («Когда батыр, родившейся от батыра, точит стрелу на отца, лицо страны хмурет»). Эти слова Хабрау в контексте эпоса также становятся более понятными, чем в самостоятельных версиях. Оказывается, в условиях жесточайших сражений против ханских завоевателей возникает разлад между Идукаем и его сыном Мурадымом. Имея в виду этот частный случай, не упоминая имен батыров, йырау приходит к общему поэтическому заключению.

Традиции Хабрау в XV–XVI вв. продолжили Асан Кайгы, Казтуган и Шалгииз йырау. Их творчество также является общим достоянием ряда тюркских народов. «Будет правильным, – писал про них современный каракалпакский исследователь К.Мамбетов [11, 117], – если йырау данной эпохи называть казахскими, каракалпакскими, башкирскими поэтами». Они не засиживались в одном месте, а странствовали по всем регионам центральной Евразии, знали общие проблемы народов этой земли и затрагивали их в своем творчестве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гаджиев А.А.* Реализм в литературах советского Востока, Баку: Элм. 1978.
2. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки, М.; Клишников – Комаров и К°. 1993.
3. *Корголы Х.Г.* «Литературы Средней Азии и Казахстана», История всемирной литературы, III, М.: Наука: 1988, с.479 – 481.
4. *Divanu Lugat-it turk 3 bashi*, Cilt 3, Ankara: Turk takin kurumı basımevi. 1992.
5. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий, Т.3, ч.3, СПб. 1905.
6. XV – XVIII ғасырлардағы қазақ поэзиясы. Алматы: Ғылым. 1982.
7. *Давкараев Н.* Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы, Ташкент: Изд. АН УзССР. 1959.
8. *Сагитов И.Т.* Каракалпак халқының қахарманлық эпосы, Некис: Каракалпакстан. 1963.
9. *Изеүкәй менән Моразым.* Өфе: Китап. 1994.
10. *Хөсәйенов Ғ.Б.* «Йыраузар», Башқорт әзәбиәте тарихы, I т., Өфе: Китап. 1990.
11. *Мәмбәтов К.* Әйемги каракалпак әдебияты: Каракалпак әдебиятының кәлиплесү жолалары, Некис: каракалпакстан. 1976.

REZUME

M.IDELBAEV (Ufa)
 AUTHOR'S ORAL POETRY MEDIEVAL TURKIC LITERATURE AND
 HABRAY-YIRAY

Oral literature as the art of words of individual character was created and distributed orally and it expressed personal world outlook of the concrete author, his ethic appraisal of the reality. There were favorable conditions in the majority of

М.Идельбаев. Авторская изустная поэзия средневековой тюркской...

Turkic literatures for it's centuries-old flowering. The most extending representative of the author's oral poetry in medieval Eurasia was Habray (Сыпура, Сыпра, Сапура, Сапра, Супра etc.) yiray. Representatives of author's oral poetry of some Turkic nations were called 'yiray'. Works of Habray yiray are belonged To XIV – XVI c. This occupied worthy place in the literature history of Bashkirs, Kazakhs, Karakalpaks and other. His five works are famous in Bashkir literature. In his works the author, underlining his respectable age, everyday experience and the right to speak in the name of people, brings to the audience his call – brave warriors should be faithful to the forefathers legacy, to become solid support for native Ural. In the article all of his works are analyzed and there is an appraisal of it's traditions in works of other yirays of XIV – XVI c.